

— Почувствовав разлад в наших отношениях с Никитиным, Гострем постарался и здесь вбить клин поглубже. Никитин вслед за Багно довольно быстро отделился от коллективной работы над "большой моделью" вначале под тем предлогом, что он не математик, а физик. В "большой модели", мол, все проблемы - для Латышева, поскольку они носят вычислительный характер, по физике там одного Намгаладзе достаточно. К тому же на какое-то время Миша слёг с язвой. Желудок у него давно был больной, а поддавал он не меньше, если не больше других. Лежал он в больнице в Смоленске, где жили его родители, и когда вернулся, найти себе место в разработке "большой модели" не смог или не захотел, и взялся разрабатывать свою собственную модель, основанную на интегрировании по силовой трубке геомагнитного поля, из кусков, сделанных Латышевым, Захаровым и Суроткиным, повторяя то, что уже сделали иркутяне, но добавив туда ветры. В принципе мы не возражали против такого подхода, надеясь в будущем стыковать обе модели.

— К Гострему Никитин относился как все мы - сначала с восхищением, потом - с юмором, потом - с насмешкой, потом - с раздражением, и, наконец, - с презрением. Он одним из первых стал открыто вступать в конфликты с Гострем, с криками, ругательствами и хлопаньем дверями, правда, всё по мелочам. Миша, довольно анархичный по складу характера человек, терпеть не мог гостремовских придинок по поводу дисциплины - нахождения на рабочем месте, опозданий и т.п., которые терпеливо сносили, например, Латышев и Захаров. Вообще, Миша не терпел замечаний, зато сам был горазд на кого угодно бочки катить, в том числе и на Гострема, причём не стеснясь в выражениях. И вдруг - Миша включает Гострема в соавторы своей статьи, которая ставится во главе выпускавшегося нами под редакцией Гострема сборника (того самого, который Гострем хотел сделать юбилейным в свою честь). Это и дало первую глубокую трещину в наших взаимоотношениях. Выходило, что мы - против Гострема, а Никитин - нет, хотя за глаза он поносил его не меньше нашего.

— Я уже писал, что с того момента, как открылась новая тема - "Каштан", её главным исполнителем стала обсерватория, она и отчитывалась непосредственно перед "Вымпелом", а университет являлся субподрядчиком и отчитывался перед обсерваторией. Поскольку руководителем работ и в обсерватории, и в ЛПФ значился один и тот же человек - Гострем, а работы фактически выполнялись совместно, то университетские отчёты перед обсерваторией носили сугубо формальный характер, зачастую их писали сотрудники обсерватории, отчитываясь таким образом сами перед собой.

— И действительно, какой смысл было мне заставлять Латышева писать отчёт о работе, проделанной вместе со мной и по материалам которой я уже написал статью? Текст этой статьи и шёл в отчёты: университетский и обсерваторский. Другое дело - работа Никитина, которая шла изолированно от других. Чтобы как-то направлять её в русло "Каштана" и согласовывать с остальными работами, я требовал от Никитина неформальных отчётов в положенные по ТЗ (техническому заданию) сроки окончания этапов работы, тем более что ходом его дел я был недоволен - и по объёму и по качеству работ. Мише это, разумеется, не нравилось. Он считал, что я к нему придираюсь.

— Найти общий язык нам удавалось всё реже, и в один из этапов (в июле 1974 года) я решил воспользоваться своим правом заказчика и отметил в акте приёмки работ, выполненных университетом по субподрядной теме "Клён", невыполнение пункта ТЗ, за который отвечал Никитин. Это не понравилось не только Мише, но и Гострему. Вскоре после этого он собрал нечто вроде производственного совещания, пригласив меня, Никитина, Костю, Лёньку, Ермоленко - как заведующего ЛПФ и Юсупова, который тоже короткое время как новый человек походил в фаворитах, и набросился на меня с обвинениями в узурпации полномочий руководителя работ, в необъективности по отношению к другим и т.д., и т.п., в таких, примерно, выражениях:

___ - Намгаладзе у нас удельный князь, так сказать. Думает, что ему всё можно. Но ещё я - научный руководитель!

___И тут впервые против меня открыто выступил Миша Никитин:

___ - Рунар Викторович прав. Намгаладзе зарвался, считает себя умнее всех, заставляет всех на себя работать. А у нас и свои интересы есть.

___ - Да, я думаю, что Намгаладзе не годится как руководитель совместных работ. Зазнался, так сказать. Я думаю, надо Никитина поставить, - высказал созревшую мысль Гострем.

___Костя и Лёнька загудели. Видно было, что такого поворота они не ожидали и растерялись.

___ - Да пожалуйста! Могу и вовсе уйти. Вот так уже надоело у Вас работать! - сделал я соответствующий жест перед Гостремом.

___ - Да куда он не уйдёт, пока докторскую не сделает! Чем ему здесь плохо? Все на него пашут, - сказал Никитин.

___Тут, наконец, Костя выступил:

___ - Я под Никитиным работать не буду, меня Намгаладзе вполне устраивает.

___ - И меня тоже, - поддержал его Лёнька.

___ - А почему вы против Никитина? - спросил Гострем.

___ - Потому что он жулик, - ответил Костя. - Куски программ целые сдирает у нас без спросу.

___Костя переживал из-за того, что Никитин, как казалось Косте, быстрее его движется к диссертации, беззастенчиво компилируя Костины и Лёнькины разработки, в которые те вложили уйму сил и времени. Не думаю, что Гострем в самом деле хотел поставить Никитина вместо меня, просто решил припугнуть меня этим, а, может, "общественность" прозондировать захотел - не знаю. Так или иначе страсти на этом совещании не разгорелись, и внешне после него ничего не изменилось. Никитин при встречах со мной приветливо улыбался как ни в чём не бывало и спешил протянуть мне руку, словно я только и мечтал её пожать.

___Всё это было ещё до Ростова.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)